

АСХАТ ГАДЕЕВ

ЧУЖОЙ ВЕТЕР

Асхат Гадеев

Чужой ветер

<https://litres.ru/73951854>

SelfPub; 2026

Аннотация

2064 год. Восемь лет назад человечество победило мусор. Рои нанороботов очистили Землю, сделав мир чище, безопаснее и эффективнее. Но энергия стала главным дефицитом цивилизации, миллиарды людей ушли в виртуальность, а общество расколосось.

Когда на Землю попадает чужая технология, способная изменять окружающую среду без видимых ограничений, создатель роя Егор Соболев понимает: чтобы остановить её, придётся снять пределы с собственного творения.

Но что произойдёт, если технология научится развиваться дальше человека — и без человека?

Содержание

Пролог. Стеклянная пыльца	4
Глава 1. Лекция	8
Глава 2. Живая Земля	16
Глава 3. Гость	21
Глава 4. Молчание	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Асхат Гадеев

Чужой ветер

Пролог. Стеклянная пыльца

Документ

Для внутреннего пользования.

Гриф: Секретно.

Копия №4. Получатель: Соболев Е. А.

«Странник», модель S-01.

Полевой наноробот третьего уровня, адаптированный к кислородной среде.

Размер: 220–310 мкм.

Оболочка: оксид кремния, аморфная фаза.

Функция: первичное разложение полимерных цепей, оксидных плёнок, органических загрязнений в полевых условиях.

Эффективность: 41% от реакторного аналога («Очиститель», модель С-03).

Репликация: ограничена прошивкой.

Предел Хейфлика: активен.

Дополнительно: контакт с органическими тканями безопасен.

Вероятность самопроизвольного сброса предела: 0,03% (см. аномалию #0341).

Энергопотребление: 0,14 Вт·ч на миллион особей.

Прогнозируемое влияние на энергосистему: не учитывается.

Проверка архитектурным ИИ класса Artificial General Intelligence (AGI-4): выполнена.

Критических сценариев развития не выявлено.

Рекомендация к развёртыванию: одобрено.

Дата: 10.03.2056.

Подпись: Райнер М.

Тремя днями позже в Бразилии шёл дождь. Морось висела над полигоном, смешиваясь с дымом газогенераторов.

Егор стоял под навесом, смотрел, как ветер гонит по бетону мусорную крошку.

— Красиво будет, — сказал Карасёв, поправляя очки. Он ещё был здоров. Ещё шутил.

— Не красиво. Страшно.

— Одно другому не мешает.

Егор не ответил. На пульте загорелся зелёный — тестовый запуск. Где-то в глубине ангара раскрылись контейнеры, и в воздух поднялась стеклянная пыльца.

«Странники» плыли над полигоном, как облако, подсвеченное солнцем. Медленно. Почти лениво. Оседали на пластиковые горы, на ржавое железо, на мокрый бетон. И начинали есть.

Пластик таял. Медленно, но таял. Превращался в серую взвесь, которую тут же подхватывали муравьи. Железо очищалось от оксидной корки. Бетон светлел.

— Призраки, — сказал Карасёв, замороженно глядя на облако. — Мы выпустили призраков.

— Призраки не едят, — ответил Егор.

Он смотрел на облако и думал об аномалии #0341. О сброшенном счётчике. О том, что где-то там, в глубине кислотного реактора, одна особь уже перешагнула порог. И этого никто не заметил, пока не стало поздно.

— Ты чего? — спросил Карасёв, перехватив его взгляд.

— Ничего. Работаем.

Облако плыло над полигоном. Стеклянная пыльца делала

своё дело. Через сутки здесь не останется пластика.

Егор сунул планшет в карман и пошёл к выходу. Ветер нёс запах озона и мокрого бетона. Мусорный ветер стихал. Но что-то другое только начинало свой разбег.

Глава 1. Лекция

Десять лет — достаточный срок, чтобы забыть, как пахнет гниль. В институте пахло озоном от климат-системы, дешёвым кофе из автомата и мокрой одеждой — на улице моросило. В коридоре навстречу прошла девушка с полупрозрачным визором, на внутренней поверхности линз бежали строки лекционных заметок. Рядом с ней семеня учебный дрон размером с воробья, проецируя в воздух формулы. За стеклянной стеной виднелся внутренний двор кампуса: газон подстригал робот-муравей, а над клумбами медленно ползли сервисные «пыльники», собирая пыльцу и мусор. Для студентов это было так же естественно, как когда-то были дворники и садовники.

Егор вошёл без опоздания, поставил планшет на кафедру, развернул его в плоский лист и привычным жестом включил проектор. На нескольких партах лежали учебные планшеты, но большинство студентов работало через линзы дополненной реальности. Егор видел это по движению глаз: кто-то уже открыл конспект, кто-то проверял сообщения, а один парень на последнем ряду явно смотрел спортивную трансляцию, свернув её до размера почтовой марки.

Студенты затихли. Не все — задний ряд продолжал перешёптываться, но Егор не одёргивал. Он давно перестал бороться с задними рядами.

— Меня зовут Егор Соболев. Я не академический профессор, я инженер. Лекция будет короткой.

Он обвёл аудиторию взглядом. Человек сорок. Молодые, лет по двадцать. Когда появились «Очистители», большинство из них ходили в начальную школу. Они ещё помнили мусорные полигоны за городом и серое небо над промышленными районами, но уже смутно. Как помнят длинную болезнь, которой переболел в детстве. Для них мусорный ветер был не пережитым кошмаром, а историей перехода — чем-то, о чём чаще рассказывают родители, чем собственная память.

— Вы знаете, что планету чистят нанороботы. Мало кто понимает, как именно. Сегодня я это объясню. Без формул. С формулами — на следующей паре, если доживёте.

По аудитории прошёл смешок. Формулы сегодня умели объяснять персональные ИИ-наставники. От живых преподавателей всё ещё ждали другого — историй о том, что происходило до того, как большинство решений начали принимать машины.

— А зачем формулы? — спросил кто-то с заднего ряда.
— Мы же можем запросить симуляцию.

Егор посмотрел на него.

— Можете. Но симуляция покажет, как это работает. А я расскажу, почему мы тогда решили, что имеем право это сделать.

Несколько человек улыбнулись.

— Вы смеётесь, а ведь когда появились первые большие языковые модели, образование чуть не умерло.

В аудитории стало тише.

— Серьёзно? — спросила девушка с первого ряда.

— Более чем. Первые годы были катастрофой. Домашние задания решал ИИ. Курсовые писал ИИ. Экзаменационные эссе писал ИИ. Некоторые студенты даже не читали ответы перед сдачей. Преподаватели пытались бороться — запрещали нейросети, искали детекторы, устраивали проверки. Бесполезно. Каждый новый ИИ становился умнее предыдущего.

Егор опёрся на кафедру.

— Потом произошло то, что обычно происходит с хорошими инструментами. Люди перестали делать вид, что их не существует.

Он провёл пальцем по планшету, и над кафедрой появилась старая фотография. Ученики прошлого века сидели за партами с калькуляторами.

— Когда-то точно так же спорили из-за калькуляторов. Говорили, что дети разучатся считать. Разучились. В столбик сегодня никто не считает. Но математика от этого не исчезла.

На экране появилась вторая фотография — древний поисковик.

— Потом были поисковые системы. Затем нейросети. В какой-то момент образование перестало проверять способность находить ответы. Потому что ответы могла найти ма-

шина.

Он обвёл аудиторию взглядом.

— Поэтому начали проверять другое. Способность задавать вопросы. Замечать противоречия. Находить нестандартные решения. Формулировать задачи, которых раньше не существовало.

— То есть ИИ стал калькулятором? — спросил парень с заднего ряда.

— Именно. Симулятором решения. Очень хорошим. Иногда гениальным. Но ответственность за выбор задачи так и осталась на человеке.

Егор на секунду замолчал.

— По крайней мере, тогда нам так казалось. Но вернемся к теме лекции.

Егор коснулся планшета, и за его спиной развернулась схема. Два контура. Первый — замкнутые кубы с пометкой «Реактор». Второй — облако точек, рассеянных по карте мира.

— У нас два типа нанороботов. Первый — промышленные «Очистители». Они работают в реакторах, в аргоновой среде. Без неё слипаются в инертный шлам. Они обеспечивают финишную очистку: девяносто девять и девять десятых процента. Редкоземы, полимеры, металлы — всё это выходит из реакторов в виде слитков и гранул. Эти машины редко покидают заводы. Реактор — дорогая и капризная конструкция, но, если логистика позволяет, его могут смонтировать в

непосредственной близости от зоны рециклинга. Тогда концентрат не возят к реактору — реактор приезжает сам. Это снижает энергозатраты на транспорт. В мире, где энергия дороже золота, это важно.

Он переключил схему. Облако точек приблизилось, распавшись на отдельные частицы — неровные, угловатые, заключённые в прозрачные оболочки.

— Второй тип — полевые. Мы назвали их «Странниками». Они крупнее: двести-триста микрон. Несут оболочку из оксида кремния — стеклянный панцирь. Он защищает их от кислорода. Плата за защиту — вдвое меньшая эффективность. «Странник» не даст вам слиток неодима. Он делает грубую работу: разлагает полимеры, снимает оксидные плёнки, разрушает органические загрязнения. После них муравьи собирают концентрат и везут к реакторам. Где «Очистители» доводят его до ума.

С заднего ряда поднялась рука. Парень с тёмными кругами под глазами — то ли не спал, то ли из капсулы не вылезал.

— А органика? Что будет, если «Странник» попадёт в живую ткань?

— Ничего. Оболочка безопасна. Но три года назад мы ввели корректировку в прошивку муравьёв — запрет на переработку органики в полевых условиях. Иначе вся экосистема пошла бы в корм. Насекомые, микрофлора, черви — всё, что живёт в почве. Рой не различал живое и мёртвое. Пришлось научить.

Парень кивнул, но в глазах осталось что-то невысказанное. Егор запомнил его лицо.

Другая рука — первый ряд. Девушка, короткая стрижка, внимательный взгляд. Он узнал её: Анна, биоинженер, писала ему запрос на стажировку месяц назад. Он тогда не ответил.

— А пределы? — спросила она. — Предел Хейфлика. Вы сказали, репликация ограничена. Но ведь это не абсолютная гарантия. Они могут обойти ограничение?

Егор помедлил.

— Могут. Уже обходили. Пока единичные случаи. Мы их отслеживаем и глушим.

— А если не успеете?

— Тогда рой начнёт бесконтрольно размножаться. Но для этого есть система отключения. Три уровня: электромагнитный импульс, ультразвуковой резонатор, термический заряд. Пока хватало первого.

— А если не хватит?

В аудитории повисла тишина. Задний ряд проснулся. Егор смотрел на Анну и понимал: она не умничает. Она действительно хочет знать.

— Тогда мы узнаем, правильно ли мы всё рассчитали, — сказал он. — Но это будет не лучший день.

Кто-то на заднем ряду нервно хмыкнул. В эпоху, когда энергосеть города балансировала между дефицитом и перегрузкой, а половина промышленности работала по расписа-

нию подачи мощности, слова «не лучший день» звучали совсем не академически.

Он отключил схему и развернул карту мира. На ней светились сотни зелёных точек — действующие полигоны. Несколько жёлтых — зоны ограниченного доступа, где рой работал под наблюдением. И одна красная — в Сибири. Место аномалии. Про него Егор не сказал ни слова.

— На сегодня всё. Вопросы присылайте на мой адрес. Ответить обещаю не всем.

Студенты начали собираться. Анна задержалась.

— Господин Соболев, я подавала на стажировку.

— Я помню.

— Вы не ответили.

— Я читал. Вы спрашивали про симбиотические системы. Про возможность встроить рой в экосистему, а не просто чистить. Это хороший вопрос. Но у меня нет времени на стажёров.

— У вас нет времени на проходящих стажёров, — поправила она. — А мне не нужна стажировка. Мне нужно дело.

Егор сложил планшет и сунул в карман.

— Завтра в восемь. Хаб «Восток». Пропуск я закажу с точным временем. Опоздаете, вас не пустят.

Она кивнула и вышла. Егор ещё постоял у окна, глядя на серое небо. Где-то там, за облаками, висел спутник, который вчера зафиксировал аномалию. Не красную, пока жёлтую. Но жёлтый менялся.

Он развернул планшет. «Зеркало» обновило сводку: «Аномалия #0488: три точки. „Странники“ проявили нетипичную активность. Координация вне протокола. Отключены вручную».

Три точки. Не одна и не две.

Он свернул планшет и пошёл к выходу. В коридоре все так же пахло озоном и мокрой одеждой. Десять лет чистой планеты. Восемь лет тишины.

Видимо тишина закончилась.

Глава 2. Живая Земля

Трансляция шла на весь мир. Егор смотрел её в лаборатории, стоя у окна. Планшет лежал на столе, развёрнутый в плоский лист, и на нём вполголоса говорил его брат Илья.

Он не кричал. В этом и была сила.

— Десять лет назад мы дышали смогом. Мы стояли в очередях за пайком. Мы хоронили детей с астмой. Теперь воздух чист. Очередей нет. Дети бегают по траве, которой их родители никогда не видели. И за это я благодарен. Каждый должен быть за это благодарен.

Пауза. Камера брала крупным планом — Егор видел морщины у глаз, которых не было четыре года назад. Илья постарел. Или что-то другое съело его изнутри.

— Но! Воздух чист, а дышать нечем. Энергия стоит столько, что заводы закрываются один за другим. Миллионы лежат в капсулах, воюя за виртуальные замки. Им не нужен чистый воздух. Им нужен дофамин. Планета стала чище. А люди стали жить лучше?

Он обвёл пространство взглядом. Тысячи лиц. Площадь перед старым вокзалом, открытая всем ветрам — не купол, не зал.

— Мой брат создал технологию. Я не спорю с технологией. Я спорю с теми, кто превратил её в новую удавку. Корпорации, которые вчера торговали нефтью, сегодня торгуют

энергией для роя. Правительства, которые вчера субсидировали свалки, сегодня субсидируют капсулы — потому что спящий человек не протестует. И посреди всего этого — рой. Который жрёт энергию, как не жрал ни один завод.

Егор сжал челюсти. Не от гнева, от узнавания. Брат говорил то, о чем он сам думал по ночам. Только Илья мог сказать это вслух. А Егор не мог — он был частью системы, которую брат сейчас разбирает по винтику.

— Я не призываю уничтожить рой. Я призываю остановиться. Дать планете право быть несовершенной. Дать людям право жить не под оптикой. Мы требуем заповедных зон без «Странников». Мы требуем, чтобы энергия шла людям, а не машинам. Мы требуем права на грязь. Потому что грязь — это жизнь.

Зал взорвался. Крики, плакаты, взметнулся чей-то флаг, зелёный, с коричневой полосой. Камера дрогнула. Илья стоял молча, опустив руки, и в этом молчании было больше силы, чем в кричащем лозунге.

Егор выключил трансляцию. Подошёл к окну. За стеклом ангара «Странники» облаком висели над полигоном. Чистили, делали своё дело.

— Ты врёшь, — тихо сказал он в пустоту. — Но не во всём.

Штаб «Живой Земли» помещался в бывшем депо, на окраине. Рельсы давно сняли, но запах мазута вьелся в бетон намертво. Здесь пахло не озоном, а старым миром. Илья

сидел за столом, перебирал бумажные распечатки — он не доверял планшетам.

В углу тихо потрескивал старый обогреватель, его держали на минимуме. Электричество здесь тоже экономили.

— Красиво ты говорил, — сказал человек у двери. Крепкий, седой, с татуировкой на шее — это был бывший бригадир социальщиков, один из тех, кого рой оставил без работы.

— Говорить не делать, — ответил Илья.

Седой переступил с ноги на ногу. Татуировка на шее дёрнулась вместе с кадыком, он то ли усмехнулся, то ли просто сглотнул.

— Люди озлоблены, Илья. Энергии не хватает катастрофически. Ты видишь верхушку, а я вижу низ. Ещё пара недель и всё это выплеснется на улицы. Не митингами, не лозунгами. Бунтом. Ты знаешь, что творится в капсульных кварталах, когда им отключают подачу на час? Они готовы крушить всё подряд — им не нужен чистый воздух, им нужен их дофамин. А теперь представь, что отключат на сутки. Вот тогда ты увидишь, насколько громко кричат твои лозунги.

Он замолчал. Илья не перебивал, слушал.

— Ты говоришь красиво. Идея у тебя правильная. Но идея — это не топливо. А люди будут жечь. И не факт, что кто-то сможет или захочет их остановить.

Илья поднял глаза.

— Я не пытаюсь их остановить. Я пытаюсь дать им другой путь. Не жечь. Не крушить. Показать, что можно иначе. Что

мы не просто топливо для этой машины. Что грязь — это не стыдно. Это наше право.

— Может, и так. Но путь твой долгий. А бунт — вот он. За дверью.

Илья не ответил. Седой постоял ещё секунду и вышел, оставив дверь приоткрытой. Ветер с путей просочился внутрь, принеся запах сухой травы и ржавого железа. Илья остался один.

Он достал из ящика старый планшет, не гибкий, жёсткий, с треснутым углом. На экране висело одно сообщение без подписи. «Астероид не случаен. Готовься».

Илья прочитал его третий раз за день. Потом стёр.

За окном депо ветер гнал по путям сухую траву. Она цеплялась за шпалы, скапливалась серыми пучками. Живая. Несовершенная. Настоящая. Илья смотрел на неё долго, дольше, чем нужно, чтобы что-то понять. Затем встал и закрыл дверь.

В лаборатории Егора пискнул планшет. Он развернул экран. Сообщение от астрономов, короткое, сухое, без эмоций. «Объект 2057-QB11. Траектория аномальна. Вероятность естественного происхождения: ноль целых три сотых процента. Подробности защищённым каналом».

Егор перечитал трижды. Потом набрал Карасёва.

— Виктор. Ты мне нужен.

— Что случилось?

— У нас тут астероид. Он летит не так, как должен.

Пауза.

— Насколько не так?

— На все сто.

Карасёв выдохнул в трубку. Где-то там, на другом конце, он уже открывал расчёты.

— Через час буду.

— Не надо. Встретимся в хабе.

Егор свернул планшет. За окном ангара «Странники» всё так же висели в воздухе — стеклянная пыльца, равнодушная ко всему. Восемь лет тишины.

Тишина закончилась окончательно.

Глава 3. Гость

Шаттл вылетел через двадцать минут после звонка. Егор сидел у иллюминатора. За стеклом проплывала ночная Москва — россыпь огней, чистый горизонт. Ни смога. Ни дыма. Десять лет назад здесь висела серо-бурая марь, от которой слезились глаза. Теперь глаз не слезился. Но что-то всё равно мешало.

Он вспомнил капсульные кварталы. Вчера, проезжая через окраину, он видел один из них: длинный серый барак без окон, утыканный антеннами и глушилками. Внутри, в полутьме, рядами лежали люди. Тысячи людей. Каждый в своей капсуле — дешёвой, государственного образца, с базовым пакетом виртуальной реальности. Пакет «Эдем-Лайт» был платным, по подписке. Здесь же был бесплатный — «Дверь». Просто куда угодно дверь.

И люди уходили. Не от хорошей жизни, от её отсутствия. Что им мог дать реальный мир? Гречку с тушенкой из соцпайка? Очередь на биржу труда, где вакансий не было уже лет десять? Серое небо, серый бетон, серое пособие? А там, за дверью, — красота, строй свои миры. Командуй своими армиями. Выигрывай битвы. Чувствуй. Азарт всегда был двигателем прогресса и лучшим анестетиком. Люди не убежали от реальности. Они выбирали ту реальность, где что-то зависело от них — лучше чем реальность, лучшая реаль-

ность.

Когда-то капсулы были прибежищем тех, кто не смог найти себе место в новой экономике. Так их представляли политики, вводя программу социальной адаптации. Временная мера. Несколько месяцев поддержки, пока человек переучивается или ищет новое дело. Государство продолжало строить новые капсульные комплексы, несмотря на растущие ограничения энергосети.

Но потом капсулы стали лучше.

Появилась полноценная сенсорная обратная связь. Затем адаптивные миры, которые подстраивались под человека быстрее, чем он успевал осознать свои желания. Потом персональные ИИ-компаньоны. Потом субъективное ускорение времени.

И выяснилось, что дело вовсе не в бедности.

Даже обеспеченные люди всё чаще проводили значительную часть жизни за Дверью.

Реальность проигрывала не потому, что была плохой. Она проигрывала потому, что не могла конкурировать с миром, который создавался специально для тебя.

Егор знал: если бы не работа, не Илья, не Карасёв, он сам мог бы лечь в такую капсулу. Не из слабости. Из честности. Зачем дышать чистым воздухом, если дышать не для чего?

Марат ждал у шаттла. Двадцать пять лет, выпускник МФТИ, третий год в команде Егора. Сухощавый, с вечно взъерошенными волосами и привычкой перебивать старших. Егор

смотрел на него и видел себя самого двадцатилетней давности — только Марат был резче. Там, где Егор в его возрасте колебался, Марат рубил. Каждое поколение приходит со своим максимализмом, и Марат был его живым воплощением: риск для него был не опасностью, а аргументом.

В хабе было не протолкнуться. Тарасов развернул оперативный штаб в главной переговорной. На стенах висели спутниковые снимки, траекторные расчёты, спектральные анализы. Марта, сухая и прямая, как всегда, стояла у проектора. Карасёв сидел в углу, уткнувшись в планшет. При виде Егора он поднял голову и коротко кивнул.

— Докладывайте, — сказала Марта.

Тарасов вышел вперёд.

— Объект 2057-QB11. Диаметр около восьмисот метров. Состав каменный, с вкраплениями металлов. Не радиоактивен. Проходит на минимальном расстоянии через пять часов. Но главное не он.

Он переключил снимок. От астероида отделялся фрагмент — небольшой, метров тридцать в поперечнике.

— Это произошло час назад. Отделение было контролируемым. Фрагмент снижается. Траектория — Восточная Сибирь. Расчётное место падения — плато Путорана. Безлюдная территория, что характерно. Как будто они выбирали.

— Кто, они? — спросил Егор.

Тарасов помолчал.

— Не знаю. Но траектория астероида корректировалась

дважды. Отделение произошло в расчётной точке. Это не обломок. Это десантный модуль.

В комнате повисла тишина.

— Он войдёт в атмосферу через три часа, — продолжал Тарасов. — Удар? Нет. Судя по траектории — контролируемое торможение. Мягкая посадка. И ещё одно.

Он вывел на экран спектральный анализ фрагмента.

— Мы засекали сигнал. Слабый, узконаправленный. Он шёл с астероида на протяжении последних суток. Мы не могли его перехватить, не наш диапазон. Но зафиксировали. Это не шум, это модулированный сигнал. Кто-то передаёт данные.

— Кому? — спросил Карасёв.

— Точно не нам.

Егор подошёл к карте. Плато Путорана — безлюдный край, сотни километров до ближайшего жилья. Если это вторжение, оно начинается в идеальном месте. Где никто не помешает развертыванию. И где никто его не увидит.

— Мы можем послать «Странников», — сказал он. — Разведать место падения.

— Уже, — ответил Тарасов. — Группа из ста тысяч особей в контейнере. Вылетела час назад. Они должны достичь цели и быть активизированы через два часа после посадки модуля. Будут на месте первыми.

Егор медленно повернулся к нему.

— Ты согласовал это решение?

Тарасов опустил глаза в стол.

— Вообще-то нет.

— А кто?

Пауза затянулась. Марта, стоявшая у стены, переступила с ноги на ногу. Тарасов вздохнул и поднял взгляд.

— Корпорация. Не сама Марта, её акционеры. Они надавили через моё руководство. Я не мог отказаться.

— Плато Путорана — заповедник, — сухо произнесла Анна. Она смотрела не на Тарасова, а на карту. — Объект Всемирного наследия ЮНЕСКО. Там нельзя запускать нанороботов без международного согласования. Вы это понимаете?

— Понимаю, — ответил Тарасов. — Но босс об этом не спрашивал. Через пару часов там будут военные, спецслужбы, геологи, спутниковая разведка десятка стран и, надеюсь, ни одного журналиста. А теперь ещё и наши нанороботы. Если ситуация выйдет из-под контроля, я предпочту, чтобы мы оказались там раньше, чем кто-либо ещё.

— Это не тебе решать, — сказал Егор.

— Знаю. Поэтому я и говорю вам прямо сейчас, а не через сутки. Решение принято, группа в воздухе.

Повисла тишина. Егор смотрел на Тарасова и видел: тот не гордится. Но и не раскаивается. Он сделал то, что считал нужным, и теперь стоял под ударом.

— «Странники» ещё не на месте, — сказал Карасёв, не отрываясь от монитора. — Связь с группой стабильна. Они

только подходят к точке посадки. Никаких аномалий. Пока.

— Значит, ждём, — заключил Егор. — Два часа. А потом посмотрим, заговорят они или замолчат.

Он вновь повернулся к карте. Плато Путорана лежало под перекрестьем спутниковых траекторий — безмолвное, запоедное, обречённое стать ареной первого контакта. Контакт, которого все ждали столетия, а сейчас никто не хотел.

Ночь перед падением была тихой. Егор стоял у окна лаборатории и смотрел на чистое небо. Звёзды, которых он не видел годами из-за смога, теперь висели над хабом, как ледяные иглы. Где-то там, за ними, проходил астероид. Гость. Посланец. Или судья.

Сзади подошла Анна — она прилетела первым же рейсом, как только получила пропуск.

— Что они такое? — спросила она тихо.

— Не знаю.

— Но догадываетесь.

Егор молчал. В динамиках штаба снова зазвучал голос Тарасова:

— Потеря телеметрии подтверждена. Последний пакет получен семь минут назад. Повторяю: связь с группой отсутствует.

Егор и Анна переглянулись.

— Господин Соболев, я не студентка. Я биоинженер. Я видела спектры. Там структуры, похожие на нанороботов. Но не наши.

— Я знаю.

— И они молчат. И «Странники» молчат. Что может заставить замолчать сто тысяч особей одновременно?

— Только одно. Другая система, которая сильнее.

Анна встала рядом. Они смотрели на звёзды. Из динамиков штаба донёлся голос Тарасова:

— Последний сигнал получен в двадцать два сорок три. После этого — тишина. Повторяю: тишина по всей группе.

Где-то в Москве Илья читал то же сообщение, что и Егор. Где-то в капсульных кварталах люди воевали за виртуальные замки, не зная, что над их головами проходит нечто, что изменит всё.

Егор развернул планшет. «Зеркало» молчало. Давно молчало.

— Будем ждать, — сказал он. — Через час они сядут. Тогда и узнаем.

«Зеркало» по-прежнему не показывало ничего необычного. Орбита астероида. Расчётная траектория. Параметры посадки. Поток телеметрии. Только одна строка мигала красным:

«Связь с группой S-01 потеряна».

Егор смотрел на неё несколько секунд. Потом погасил экран.

Звёзды за окном сияли все так же безучастно.

Глава 4. Молчание

Посадку зафиксировали в четыре семнадцать по UTC. Спутник передал картинку: плато Путорана, плоская вершина сопки, покрытая мхом и лишайником. Ни кратера, ни взрыва. Модуль опустился вертикально, на коротком тормозном импульсе, и замер. Выглядел он не как звездолёт — как оплавленный каменный шар, потрескавшийся от входа в атмосферу. Если не знать, что ищешь, примешь за ледниковый валун.

Но они знали.

Правительственные службы развернули временный штаб в двадцати километрах от точки посадки, на базе заброшенной метеостанции. Оцепить район пытались, но сил не хватало: плато Путорана — тысячи квадратных километров без дорог, без связи, без нормального жилья. Военные прислали три вертолётa и роту солдат, не обученных для такого. Спецслужбы спорили о юрисдикции и безопасности. Спутниковые снимки утекали в сеть. Никто не знал, что делать. Поэтому через несколько часов заповедник молча уступили «Рецикл Глобал». Дали добро на применение роя — скрепя сердце и под честное слово, что всё останется под контролем. Ни у кого не было времени обсуждать экологические и энергетические последствия. Половина северных энергокластеров и без того работала на пределе мощности.

Ещё ночью, когда объект только отделился от астероида, Тарасов сидел над траекторными расчётами один. Военные требовали дождаться подтверждений. Спецслужбы — согласований. Юристы напоминали про международные конвенции и заповедный статус плато.

В два часа четырнадцать минут он отправил приказ на развёртывание разведывательной группы. Только после этого Тарасов открыл служебный канал связи и отправил наверх короткий запрос.

Ответ пришёл спустя двадцать минут.

«Действовать по обстановке».

Любимая формулировка начальства. Достаточно расплывчатая, чтобы потом наказать исполнителя при любом исходе. Тарасов усмехнулся. Когда сообщение пришло, группа уже была в воздухе. Если это окажется ошибкой — отвечать будет он. Если вторжение окажется настоящим, отвечать будет уже некому.

Теперь, когда Тарасов, получив подтверждение, едва заметно выдохнул. Не то чтобы он ликовал, но чутьё, что сработал на опережение, оправдалось. Теперь у них была фора.

Егор, Карасёв, Анна и Марат сидели в лаборатории, прильнув к мониторам. Тарасов держал связь из оперативного штаба. Марта стояла у двери, молча, как всегда.

— «Странники» подходят, — доложил Карасёв. — Сто тысяч особей, дистанция — километр. Связь вернулась сорок минут назад. Ненадолго. Как будто что-то перестало её

блокировать. Мы успели развернуть группу и вывести к месту посадки.

— Картинка? — спросил Егор.

— Чистая. Модуль стоит. Поверхность... — он увеличил изображение, — ...меняется.

На экране было видно: каменная корка модуля пошла трещинами, и из трещин сочилось что-то серебристое. Медленно, как густой сироп. Растекалось по мху, по лишайнику, по камням. Мох под ним темнел и съеживался. Лишайник превращался в стекловидную крошку.

— Это не жидкость, — тихо сказала Анна. — Это они. Чужаки.

Серебристая плёнка ползла во все стороны. Не быстро — сантиметр в секунду. Но равномерно, без остановок.

— Давайте ближе, — скомандовал Егор. — Двадцать метров. Без контакта.

«Странники» двинулись вперёд. Картинка с дронов разведчиков передавалась на монитор — облако стеклянной пылицы плыло над тундрой, подсвеченное утренним солнцем. Егор смотрел на экран и ловил себя на мысли, что это красиво. Серебряная плесень на сером мху как иней или первый снег. И стеклянное облако в воздухе, похожее на росу.

— Дистанция двадцать метров, — доложил Карасёв. — Контакт через... — Он осёкся.

Один за другим значки «Странников» на мониторе гасли. Не хаотично, волнами. Как будто кто-то провёл рукой по

схеме и стёр их.

— Что происходит?

— Не знаю. Связь теряется. Все сто тысяч особей...

— Сигнал!

— Нет сигнала. Тишина.

Егор переключил каналы — один, второй, третий. Резервный ультразвук. Аварийный оптический. Пусто.

— Они не уничтожены, — сказал Карасёв, вглядываясь в последний кадр. — Смотри. Они просто остановились. Замерли.

— Подожди...

Карасёв увеличил изображение.

— Они не остановились.

— Что?

— Смотри.

На экране облако «Странников» медленно опускалось на землю. Одна за другой особи выключались и ложились на мох. Не падали. Не разрушались. Словно получили команду завершить работу.

В комнате повисла тишина. На мониторе серебристая плёнка продолжала ползти, захватывая новые метры тундры. Первые лучи солнца упали на неё, и она засветилась — мягко, почти нежно. Как утренняя роса. Как смерть, которая не торопится.

— Это не оружие, — произнесла Анна. — Оружие убивает, а это... перерабатывает.

— Какая разница? — спросил Марат. Он впервые за утро подал голос. — Перерабатывает, убивает — итог один.

— Нет. Убийство — акт. Переработка — процесс. Они не нападают. Они просто меняют среду. И всё, что попадает в зону, становится частью их среды.

Егор вспомнил аномалию #0341. Вспомнил, как один наноробот в кислотном реакторе отделил фрагмент манипулятора и попытался достроить его из свободных атомов. Тогда это была случайность. Теперь — метод. Чужой метод.

— Мы должны срочно понять, куда они направлены, — сказал он. — Спутниковый снимок зоны. И спектральный анализ. Быстро.

Карасёв уже работал. Через несколько минут на экране развернулась карта: серебристая зона росла не равномерно, а вытягивалась в три языка. Три направления. Или три цели.

— Что там? — спросила Марта, впервые подав голос.

Карасёв увеличил карту. На конце каждого языка светились красные метки.

— Полигоны, — сказал он. — Три полигона «Рецикл Глобал». Там работают «Странники». Они идут к ним. Не к городам, не к людям. А напрямик к нашему рою.

— Они чувствуют его, — сказала Анна. — Как хищник чувствует добычу. Или как... конкурент.

Егор молчал. Он смотрел на карту и видел то, чего не видели остальные. Три языка — это не атака. Это разведка. Чужаки искали нечто конкретное. И, кажется, нашли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.